

ysis of the structural composition of migrants, highlights the main aspects of the language, the difficulties of language adaptation and communication of foreigners in Germany.

Key words: *population, migrants, immigrants, displaced persons, foreigners, language level, language skills, linguistic aspects, communication, adaptation.*

Об авторах:

МОНАХОВА Галина Николаевна – доцент кафедры иностранных языков Уральского государственного экономического университета, *e-mail:* g.n.monahova@yandex.ru.

ЗУЕВА Екатерина Петровна – доцент кафедры иностранных языков Уральского государственного экономического университета, *e-mail:* ekaterina_zueva@mail.ru.

УДК 81'367

ИМПЕРАТИВ КАК ОДНОСЛОВНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ И «ПЕРВОСЛОВО»

И.М. Некрасова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь

В статье представлена точка зрения на императив как однословное высказывание с апеллятивной функцией, органической принадлежностью которого являются интонация и жесты. Семантические и формальные особенности императива позволяют рассматривать его в качестве «первослова» вербальной коммуникации в онто- и филогенезе.

Ключевые слова: *императив, однословное высказывание, слово-предложение, онтогенез, глоттогенез, кинетический язык, речевой акт, интонация, каузация.*

Проблема императива соотносится с основополагающей дихотомией лингвистики язык : речь, и, соответственно, предложение : высказывание. Традиционно грамматики рассматривают императив как формы повелительного наклонения, т.е. морфологическую категорию, находящуюся «на периферии глагольной системы»; при этом отмечается исключительно важная роль интонации: «В системе повелительного наклонения интонация является органической принадлежностью глагольных форм. Вне этой интонации повелительного наклонения не существует» [Виноградов 1972: 205]. «Письменная речь не располагает возможностями передавать разнообразие этих интонаций, вследствие чего нередко на письме повелительное наклонение лишено той конкретности в выражении волеизъявления, какая свойственна ему в устной речи» [Гвоздев 1967: 326]. Примеры типа *Пойдем! Обратите внимание!* рассматриваются одновременно как грамматическая форма глагола и разновидность предложения. Хотя современная синтаксическая наука последовательно разграничивает предложение как

единицу языка (предмет конструктивного синтаксиса) и высказывание как единицу речи, ситуация с императивом в грамматиках русского языка не изменилась [Русская корпусная грамматика <http>].

Вместе с тем, существует точка зрения на императив как повелительные *предложения*, вовлеченные в коммуникативную ситуацию: «приказы и предписания отдаются непосредственно слушающему» [Лайонз 1978: 325]. Была высказана идея «вывести» повелительное наклонение из системы наклонений и выделить его в особую категорию императива [Храковский 2002].

В [Некрасова 2008] императив рассматривается как однокомпонентное (коммуникативно неделимое) высказывание (ОВ), наряду с междометиями, экзистенциональными предложениями, вокативами, фразами речевого этикета и др., которые широко представлены в английском, немецком, русском и др. языках. Как и другие ОВ, императив представляет собой целостный коммуникативный акт, ситуативно обусловлен, а его формой выражения предикативности служит соответствующая интонация завершенности. В [Некрасова 2013] отмечалась специфика ОВ как единицы, совпадающей по форме – со словом, а по функции – с предложением, что позволяет, минуя стадию комбинации языковых единиц, сокращать речемыслительный процесс. Выявленные признаки, характеризующие императив как универсальную единицу коммуникации, представленную в языках различного типа, вплотную подводят к вопросу о происхождении и развитии языка.

Долгое время «первобытный язык» считался областью общих предположений и гипотез; в книге «Язык: лингвистическое введение в историю» Ж. Вандриес утверждает абсолютную невозможность реконструировать не только процесс происхождения языка, но и начальные этапы его развития [Вандриес 1937]. Однако во второй половине XX века исследования в области физиологии, социологии, психологии, психолингвистики и др. областях науки помогли приближенно восстановить основные этапы развития первобытной речи. В работе речь пойдет об императиве как типизированной форме ОВ, которая с наибольшей вероятностью восходит к древнему состоянию языка; учитывая междисциплинарный характер проблемы, в статье использованы идеи философии антропогенеза, данные исследований детской речи, а также социально-исторические факторы, обусловившие переход от сигнальных систем животных к человеческому языку.

Начиная с эпохи античности, языковеды и философы связывали возникновение языка с появлением первых слов в устах ребенка. «Что у детей происходит не механическое выучивание языка, а развертывание языковой способности, доказывается тем, что <...> все дети при различных обстоятельствах начинают говорить и понимать внутри примерно одинаковых возрастных пределов» [Гумбольдт 1984: 78-79]. Идея взаимосвязи становления языка в онто- и филогенезе стала особенно актуальной на фоне эво-

люционной теории происхождения человека и биогенетического закона Э. Геккеля. Психолингвистика располагает обширным материалом в области становления детской речи (ДР) на базе языков различных языковых семей, при этом достаточно четко описываются основные этапы её формирования. Разумеется, развитие языковой способности в онтогенезе лишь в какой-то степени аналогично становлению «первобытного языка», однако в целом этот процесс имеет определенную направленность.

Первые детские слова появляются в начале второго года жизни, который считается дограмматическим этапом освоения языка. По форме они представляют собой *слова-предложения*. Остановимся на основных признаках, составляющих их специфику.

Во-первых, они имеют очень неопределенные, расплывчатые значения, что является следствием диффузного мышления ребенка – этот признак называют сверхгенерализация. Характерные примеры приводит в своей монографии А.Н. Гвоздев: «...ребенок, указывая на карандаш, называет его п'ис'и (пиши), но также, требуя, чтобы ему рисовали, употребляет то же слово: п'ис'и. Названия знакомых лиц употребляются для указания на этих лиц, например: т'от'а (вот тетя), а также для указания на принадлежащие им вещи: т'от'а (вот тетина корзина). Таким образом, эти первые слова являются аморфными словами-корнями» [Гвоздев 1961: 337].

Во-вторых, они представляют собой целостный коммуникативный акт: «Первые детские «слова» по своему смыслу больше похожи на такие слова, как русск. *брысь! давай-давай* и им подобные: они относятся не к отдельному объекту, действию или состоянию, а к ситуации, мыслимой как целое» [Фрумкина 2001: 107].

В-третьих, наблюдается синхронность в развитии жестовой и языковой коммуникации ребенка в возрасте 9-12 месяцев. К этому времени он начинает воспринимать других людей как целенаправленно действующих субъектов и вступает с ними во взаимодействие [Томаселло 2011: 148]. Считается, что есть две причины, которые побуждают младенцев использовать указательные жесты: «ребенок либо указывает на что-то, чтобы попросить (требование – протоимператив), либо хочет поделиться с окружающими своими ожиданиями и эмоциями (высказывание-протодекларатив)» [Томаселло 2011: 107]. По-видимому, жестовое сопровождение является также следствием полисемантической слова-предложения.

В-четвертых, в «первослове» невозможно провести четкого разграничения между синтаксисом и семантикой. Этап слов-предложений соответствует первой коммуникативной системе, по Н.И. Жинкину, в которой алфавит «языка» совпадает с «высказываниями», однозначно соответствующими ситуации.

Что касается становления первобытного языка, то многие исследователи называют «слово-предложение» формой его выражения. В разработанной И.И. Мещаниновым синтаксической типологии инкорпорация, или

«слово-предложение», является первой стадией развития синтаксической структуры предложения [Мещанинов 1975: 296]. По мнению Мещанинова, то инкорпорирование, которое дошло до нас по материалам живых языков, оказывается уже в значительной степени развитым, и представляет собой, как правило, неполную, или частичную инкорпорацию.

Известный российский философ Ф.И. Гиренок рассматривает первослово как результат компрессии коллективной галлюцинации, или «уже-сознания»; его «можно использовать в любой ситуации и всякий раз по-новому, в зависимости от невербальных и вообще незнаковых элементов ситуации» [Гиренок 2012: 86]. Подтверждением тому служит факт палеолингвистики: «древнейшие корни оказываются полисемантическими – целыми семантическими пучками, т.е. одно «слово» было связано с несколькими разнородными «вещами» [Поршнева [http](http://)].

«Очевидно, дитя и первобытный человек не могут иметь в своем языке предложения уже потому, что не знают ни падежей, ни лиц глагола, что говорят только отдельными словами <...>. Первое слово есть уже предложение. Оно не могло существовать в живой речи в том виде, составляющем уже результат научного анализа, в каком встречается в словаре» [Потебня 1989: 133-134]. Первообразное высказывание представляло собой «слово-монолит», недифференцированное ни в семантическом, ни в формальном отношении и неразложимое на отдельные элементы. «В первослове еще не действует синтагма, линейная упорядоченность звуков. В нем не работает принцип языковой матрешки: нет звуков, составляющих морфему, нет слов, которые состоят из морфем. Нет предложений и текстов. Ничего этого нет, а слово есть» [Гиренок 2012: 91]. Таким образом, первобытное «слово-предложение» характеризуется признаками, аналогичными однословному высказыванию ребенка.

Большинство исследователей глоттогенеза склоняются к тому, что древнейшим «словом-предложением» был *глагол в форме императива*. Даже в языках, обладающих формами словоизменения глагола, форма повелительного наклонения нередко тождественна основе, ср. *Дай!* (рус.) *Nimm!* (нем.) или совпадает с формой инфинитива: *Стоять!* (рус.) *Stand up!* (англ.) *Aufstehen!* (нем.). «Из этого факта многие лингвисты делают вывод, что наиболее «элементарной» функцией языка является выражение приказов, а не утверждений» [Лайонз 1978: 325]. «Именно императив отличается наибольшей конкретностью, привязанностью к ситуации, а также аффективностью, что сближает его с древнейшими типами речи – выкриками-призывами» [Левицкий 1995: 32].

В исследовании Б.Ф. Поршнева, выполненном на стыке философии антропогенеза, палеопсихологии и физиологии нервной деятельности, убедительно представлена теория интердикции как качественно нового способа сигнального воздействия, который послужил толчком к формированию второй сигнальной системы и, в конечном итоге, вытолкнул неантропа из

зоологического режима развития в социальный. Исследования речевых зон головного мозга и афазии свидетельствуют о том, что «глагольная фаза второй сигнальной системы («нижнелобная» и «нижнетеменная») оказывается старше, чем предметно-отнесенная («височная»)», иначе говоря, «глаголы древнее и первичнее, чем существительные» [Поршнева [http](#)]. Принимая во внимание интердикцию как запрещение или побуждение к действию, древнейшей функцией глагола должна считаться повелительная. Эту гипотезу Поршнева иллюстрирует следующим образом: «повелительная функция может быть осуществлена не только повелительным наклонением (например, *начинайте!*), но и инфинитивом (*начинать!*), и разными временами – прошедшим (*начали!*), настоящим (*начинаем!*) и будущим (*начнем!*), даже отглагольным существительным (*начало!*). Словно бы все глагольные формы позже разветвились из этого общего функционального корня. И даже множество существительных употребляется в смысле требования какого-либо действия или его запрещения: «огонь!» (стрелять!), «свет!» (зажечь), «занавес!» (опустить), «руки!» (убрать, отстранить) [Поршнева [http](#)].

Добавим к этому сделанное нами наблюдение, что не только существительные, но и представители других классов слов, функционирующие как ОВ, могут употребляться в императивной функции, образуя целые синонимические ряды, ср.:

- *Молчать! Тс! Тише! Тишина в зале!*
- *Schweigen! Pst! Ruhig! Ruhe!*
- *Shut up! Be quiet! Hush! Silence!*

Исследователи детской речи также обращают внимание на доминирующую роль однословных предложений-требований (повелений). «Видимо, необходимость волеизъявления, направления команды к адресату сообщения и является той определяющей силой, которая вызвала к жизни простейший, генетически исходный акт коммуникации» [Якушин 1984: 93].

В современном русском языке, помимо императива глагола, сохранились особые повелительные слова типа *ну-ка*, *пусть*, *давай*. Пешковский также указывает на слово *На!* как «оригинальное слово совершенно первобытного типа», тесно связанное с жестом. «*На!* – не значит просто *возьми* <...> потому что, если книга лежит на столе и я хочу, чтобы мой собеседник её взял, я не могу просто сказать *На книгу!*, а я должен *в з я т ь* книгу в руки и протянуть ему. Это слово принадлежит как будто бы не современному языку, а той гипотетической эпохе в развитии языка, когда каждый речевой акт должен был сопровождаться жестом и составлял лишь часть этого общего жесто-речевого социального знака» [Пешковский 1956: 167-168].

Жестовый, или кинетический язык считается более древним, доречевым видом коммуникации. Параллельное использование жестов и языковых

знаков, особенно на стадии становления человеческой речи, отмечают многие ученые; это связано, прежде всего, с семантической диффузностью первых слов-предложений, о которой шла речь выше. Особая роль отводится при этом указательному жесту как способу связи словесного знака и обозначаемого им предмета [Поршнев [http](#)]. Будучи сугубо формой человеческой коммуникации, дейктический жест предполагает «способность понимать намерение и создавать общий смысловой контекст», включающий совместный опыт (*common ground*) и общие культурные представления; эта способность логически первична по отношению к языковому коду [Томаселло 2011: 29, 68].

Сделаем выводы. ОВ-требование в ДР и первослово-императив характеризуются следующими признаками: 1) семантическая диффузность; 2) коммуникативная целостность; 3) формальная неразложимость; 4) ситуативность и вовлеченность в общий смысловой контекст с адресатом; 5) интонационная оформленность; 6) сопровождение дейктическим жестом; 7) типологическая универсальность.

В заключение вернемся к императиву как ОВ в живых языках /языке взрослого и кратко рассмотрим его формальные и семантические особенности.

Обособление императива от других наклонений глагола связано с его формой, а именно, с отсутствием актанта-подлежащего и, как следствие, с интонационным способом выражения предикативности. Структура императивного высказывания обусловлена функцией, которую оно призвано выполнять в условиях речевого акта: функция призыва, обращения к слушающему (*Apellfunktion* по К. Бюлеру, осуществляемая знаками-сигналами). Иначе говоря, форма императива выражает намерение говорящего каузировать некоторое действие другого участника речевой ситуации. «Каузация является центральным компонентом семантики императива» [Русская корпусная грамматика [http](#)]. Как всякий знак-сигнал, императивное ОВ требует от адресата ответной реакции-действия, что сближает его, по теории речевых актов, с высказыванием-перформативом.

Лингвисты единодушно отмечают факт семантической неоднородности императива. В типологическом исследовании [Храковский 2002], проведенном на материале 130 языков, описывается около 30 частных значений императива. К наиболее распространенным семантическим подтипам относят приказ, призыв, просьбу, разрешение, прохибитив (запрет), превентив (предупреждение), предписание, угрозу и т.п. «Интерпретация конкретного употребления императива зависит от интонации, контекста, прагматических факторов» [Русская корпусная грамматика [http](#)].

Особая роль в толковании семантики императива приписывается интонации: «*Приходи!*, сказанное с интонацией мольбы, означает то же самое, что *Я умоляю тебя прийти*; *Приходи!*, сказанное с интонацией приказа, означает... *Я приказываю тебе прийти*; *Приходи!*, сказанное с интонацией

совета, означает... *Я советую тебе прийти* и т.д.» [Вежбицка 1985: 256].

В исследованиях по невербальной семиотике подчеркивается, что приказы, убеждения, просьбы и др. императивные речевые акты часто сопровождаются жестами, которые выполняют «функцию регулирования и управления вербальным поведением слушающего» [Крейдлин 2002: 75-76]. При этом используется не только дейктический жест, но и движение сверху вниз, которое интерпретируется как идея ограничения на свободу волеизъявления адресата [Гришина [http](http://)].

Итак, императивное высказывание сохраняет свои специфические черты, свойственные ему на стадии становления в онто- и филогенезе. «Язык – это последний живой свидетель давно минувших лет. Больше спрашивать не у кого. Память языка позволяет вернуться к тому, что было» [Гиренок 2012: 151].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вандриес Ж. Язык: лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес / Примеч. П.С. Кузнецова; под ред. и с предисл. Р.О. Шор. – М.: гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. – 410 с.
2. Вежбицка А. Речевые акты / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 251-275.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – 2-е изд. – М., 1972.
4. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык / А.Н. Гвоздев. – Ч. I. – М.: Просвещение, 1967. – 432 с.
5. Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи / А.Н. Гвоздев. – М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1961. – 470 с.
6. Гиренок Ф.И. Абсурд и речь. Антропология воображаемого / Ф.И. Гиренок. – М.: Академический проект, 2012. – 237 с.
7. Гришина Е.А. Жесты и прагматические характеристики высказывания [Электронный ресурс] / Е.А. Гришина. – URL: <http://www.philol.msu.ru>.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон. Гумбольдт. – М.: «Прогресс», 1984. – 400 с.
9. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литер. обозрение, 2002. – 592 с.
10. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.
11. Левицкий Ю.А. От высказывания – к предложению. От предложения – к высказыванию / Ю.А. Левицкий. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 196 с.
12. Мещанинов И.И. Проблемы развития языка / И.И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1975. – 352 с.
13. Некрасова И.М. Однословные высказывания в свете сравнительной типологии / И.М. Некрасова // Актуальные направления современной лингвистики. Сборник мат-лов межд. научн. конф. «Иностранные языки и литературы: актуальные проблемы образования и науки». – Пермь: ПГУ, 2008. – С. 69-72.
14. Некрасова И.М. Однокомпонентное высказывание: слово или предложение? / И.М. Некрасова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сб. науч. трудов. – Вып. 22. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. ISSN 2306-2282. – С.206-215.
15. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. –

- М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
16. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории [Электронный ресурс] / Поршнева Б.Ф. – М. 1974. – URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/porshnev_o/default.aspx
 17. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня // А.А. Потебня Слово и миф // Из истории отечественной философской мысли / Сост. А.Л.Топоркова. – М.: Изд-во Правда, 1989.
 18. Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс] – URL: <http://rusgram.ru/Императив>.
 19. Томаселло М. Истоки человеческого общения / М. Томаселло. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 323 с.
 20. Фрумкина Р.М. Психолингвистика / Р.М.Фрумкина. – М.: Академия, 2001. – 320 с.
 21. Храковский В.С. Семантика и типология императива. Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. – М.: Изд-во Эдиториал УРСС, 2002. – 272 с.
 22. Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка / Б.В. Якушин. – М.: Наука, 1984. – 136 с.

THE IMPERATIVE AS A ONE-COMPONENT-PHRASE AND A PROTO-WORD

I.M. Nekrasova

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

The article considers the imperative as one-component-phrase with the appeal-function, inseparable from the intonation and gestures. Due to its formal and semantic peculiarities it can be regarded as proto-word of the verbal communication related to both the process of language development in human life and the origin of speech in *Homo Sapiens*.

Key words: *imperative, one-component-phrase, proto-word, language development, origin of speech in Homo Sapiens, intonation, gestures, speech act.*

Об авторе:

НЕКРАСОВА Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, *e-mail*: nekrasova142008@yandex.ru.